

Лариса Сергеевна КИСЛОВА¹
Светлана Олеговна ДРАЧЕВА²

УДК 821.16.11

«ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
l.s.kislova@utmn.ru

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
s.o.dracheva@utmn.ru

Аннотация

В статье рассматривается образ Латинской Америки как фрагмент геопоэтической картины мира. Актуальность исследования обусловлена сакральным характером южноамериканского пространства: открытие центров энергии Мачу-Пикчу, Пачакамака и других священных индейских городов влечет в эти заповедные места ученых и художников. Объектом исследования являются тексты травелогеров И. Стогофф'а и В. Шанина, посетивших ряд стран Южной Америки (Перу, Аргентина, Чили, Эквадор). Предметом исследования становится специфика пространства Южной Америки в литературе о путешествиях. Цель исследования — изучить феномен путешествия, репрезентируемого сквозь призму оппозиции «свое — чужое». Достижению поставленной цели способствует решение ряда задач, связанных с определением места травелога в современной российской литературе и образа Латинской Америки в историческом, этнографическом и культурном контекстах.

В результате исследования авторы статьи приходят к выводу о том, что увлечение российских травелогеров Латинской Америкой — своего рода попытка погружения

Цитирование: Кислова Л. С. «Южноамериканский вариант» в современном российском травелоге / Л. С. Кислова, С. О. Драчева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 71-81.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-71-81

в ментально чужую реальность, которая никогда не станет своей. В травелогах Ильи Стогофф'a и Валерия Шанина репрезентируется образ места, в котором не работают традиционные законы мироустройства. Существуя в пространстве другого полушария, в мире латиноамериканского карнавала, травелогеры стремятся описать в своих текстах не только те или иные географические и культурные объекты, но и фиксируют свое внутреннее состояние, кардинально отличающееся от обычного. Путешественник, оказавшись в Южной части Западного полушария, начинает ощущать себя совершенно по-другому. Пытаясь постигнуть жизненную стратегию человека, живущего в ином мире, авторы-персонажи тем не менее не готовы воспринимать это пространство как свое и продолжают репрезентировать его как чужое. Таким образом, в текстах травелогов о Латинской Америке оппозиция «свое — чужое» становится ключевой.

Ключевые слова

Травелог, геопоэтика, пространство, герой-повествователь, ландшафт, оппозиция «свое — чужое».

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-71-81

Жанр травелога является сегодня чрезвычайно востребованным, поскольку органично вписывается в современный литературный контекст: «Травелог (возможен вариант произношения как трэвелог) — от английского “travelogue” — о путешествии (журнал, диалог, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий). Жанр нынче не просто востребованный, а популярный. Но потому и размытый. <...> Ведь в традиционном виде травелог — не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность). Помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то как минимум умудрение (как повествователя, так и читателя)» [2, с. 165]. В. Д. Черняк и М. А. Черняк отмечают, что «материал личных впечатлений от знакомств и встреч, восприятие культуры, размышления о жизни и быте народа, анализ фактов истории — все это создает документальную основу травелогов <...>. В текстах травелогов, как правило, интерпретируется традиционная оппозиция “свое — чужое”, часто выявляющаяся в особенностях этикета, традициях бытовой коммуникации, характерных признаках языка и речевого поведения» [12, с. 60].

Востребованность травелога в XXI в. демонстрирует значительный читательский интерес к этому жанру. Мир открывается человеку во всем своем многообразии именно в период глобального размывания границ. Настоящее увлечение писателей травелогами, возможно, сопоставимо с интересом к этому жанру еще в 20-е — 30-е гг. XIX в. Но современный травелог приоб-

ретают иные коннотации: «Фокус внимания травелографа заметно смещается извне — внутрь (происходит, так сказать, интериоризация “овнутрение” путешествия). Пишущим все больше интересно описание не столько зримого мира самого по себе, сколько взаимодействующего с ним человека, его внутренней феноменологии. Пространство все чаще становится инструментом для решения внеположных ему задач» [1]. Таким образом, «оставаясь удобной формой непосредственной фиксации впечатлений, путевая проза становилась универсальной матрицей постижения “иного”, создания и закрепления “образа другого” на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии» [7, с. 112]. В современной русской литературе возвращенный жанр травелога находится в стадии становления. Несмотря на долгое отсутствие, травелог, тем не менее, сохранил основные параметры жанра — пространственно-временную дискретность, фактографическое отображение действительности, художественную организацию материала и образ повествователя-путешественника: «Пространственно-временные рамки сюжета заданы реальностью (начало и конец путешествия). В этом отношении композиция травелога более компактна и предсказуема, чем в романе. Тем более заметной становится дискретность, неоднородность повествования, когда одни хронотопы обладают значительно большей важностью, чем другие. <...> Значимость различных отрезков путешествия в травелоге определяется авторским замыслом и важность их для раскрытия образа путешественника, мира и их взаимоотношения» [8]. Таким образом, травелог становится одной из самых субъективных жанровых моделей «литературы путешествия», поскольку он «реализует в себе беллетристическое начало, проявляющееся в домысливании и переосмыслении увиденного, а главное — в его определенной мифологизации и особенностях стилистической обработки текста» [5, с. 129].

Многочисленные тексты, оригинальные и переводные, опубликованные в последнее время, позволяют говорить о травелоге как о жанре десятилетия. Среди наиболее известных можно назвать «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий» и «Пространство и лабиринты» В. Голованова, «На пути в Итаку» С. Костырко, «Город заката» и «Перс» А. Иличевского, «Вернись и возьми» А. Стесина, «Матрос на мачте» А. Таврова, «Книга перемещений» К. Кобрин, «Внутренняя Венеция» Д. Бавильского, «Дегустация Индии» М. Арбатовой, «Небесные тихоходы» М. Москвиной, «Дорога» М. Гончаровой, “Translit” Е. Клюева, «Бом Булинат. Индийские дневники» А. Ващенко и А. Кашкарова, «Галопом по европам» А. Экслера, «Перу. С Бобом и Джерри тропой инков» П. Романова, «Есть, молиться, любить» Э. Гилберт, «Год в Провансе» П. Мейла, «Год в поисках Ва» К. Мюллер, «Дубайские дневники» Р. Вика, «О, Мексика! Любовь и приключения в Мехико» Л. Невилл. В современных травелогах анализируются различные географические и культурные ландшафты, подробно описывается перемещение автора-персонажа в пространстве. Особое внимание уделяется посещению знаковых мест, влияющих

на судьбу и мировосприятие путешественника, которого являются неотъемлемыми элементами культурных ландшафтов; благодаря знаковым местам культурные ландшафты обладают базовыми семиотическими уровнями, на основе которых возможны дальнейшие геосемиотические, мифогеографические и образно-географические интерпретации. К знаковым местам можно в широком смысле отнести культовые и сакральные места» [3, с. 35]. Одним из знаковых мест, столь популярных у путешественников, становится Южная Америка, однако травелогов, посвященных этому региону, немного. Возможно, это связано с географической удаленностью американского континента, но яркая и таинственная, далекая и непостижимая латиноамериканская реальность позволяет воспринимать путешествие как моделирование нового сакрального пространства, рождение другого, почти инопланетного мира, в который вживается автор-персонаж. Именно карнавальная латиноамериканская парадигма позволяет транслировать впечатления о путешествиях по странам Западного полушария, полагаясь лишь на личные впечатления. В. Б. Земсков отмечает, что «живая жизнь карнавала в Латинской Америке — естественный источник и генератор праздничных форм, возбудитель особенно психофизиологического настроения, пульсации праздничности, что очевидно, и можно называть карнавализованным модусом сознания» [4, с. 60].

Конкистадоры, появившись на американском континенте, принесли с собой европейскую традицию — празднование карнавала. Обогатившись языческими приемами, церемониальными индейскими ритуалами и элементами обрядовой африканской культуры, европейский карнавал вошел в новую американскую фазу. Таким образом, латиноамериканская картина мира со времен конкисты постоянно существует в системе карнаваловых координат. Великая карнавальная традиция помогает латиноамериканцам жить в особом, недоступном для европейцев измерении: «Латиноамериканские города с их разнообразием, доходящим до пестроты, пластикой фасадов и множеством монументов, с многоцветием вывесок, эмблем, надписей, рекламы, декоративностью входов в вокзалы и на станции метрополитена, в магазины и рестораны, украшенностью фонарных столбов и решеток скверов, с обилием зелени и цветов, с шумной яркой толпой прохожих, разукрашенными автобусами и автомобилями разных марок производят праздничное, карнавальное впечатление» [11, с. 78].

Двойственная природа Латинской Америки отчетливо связана с конкистой, трактуемой как амбивалентное явление, поскольку сама ее суть противоречива. С одной стороны, открытие неизвестных земель, заселение их испанскими колонистами и христианизация местного населения, начиная с XVI в., становится началом глобального тектонического сдвига в истории и культуре Латинской Америки. С другой же стороны, во времена конкисты исчезают высоко развитые цивилизации майя, ацтеков, инков, чибча-муисков. Этот период ознаменовался появлением уникальной этнической и эстетической парадигмы, синтезирующей католицизм и язычество. Креолы — потомки индейцев и испанских колонистов — создали особый мир, существующий словно отдельно

от остальной цивилизации; мир, сохранивший верования коренного населения и в то же время впитавший основные концептуальные составляющие испанской культуры. Регион далек от благополучия и безопасности, но ментальность Латинской Америки, возможно, является одной из самых ярких и креативных на планете: это пространство вечного карнавала и бесконечной мелодрамы. Считается, что завоевания конкисты становятся для коренного населения огромной трагедией, но при участии конкисты в результате христианизации индейцев (что часто называют последними крестовыми походами) родился новый уникальный культурный феномен — латиноамериканская цивилизация: «В результате конкисты в королевстве Новая Испания постепенно формируется новое, специфическое в этническом и культурном отношении колониальное общество, вобравшее в себя как навязанные испанцами черты западноевропейской культуры, так и неистребленные, наиболее стойкие черты культуры аборигенов» [9, с. 10]. Конкистадоры, заселяя новые земли, создавая новые города (*conquistar* у *poblar*), активно европеизировали языческое пространство, что удавалось им лишь частично. Латинская Америка так и не сделалась ни Испанией, ни Португалией: этот мир остается корпоративным, по-своему закрытым социумом, развивающимся по собственным законам. «На месте разрушенных индейских городов создавались новые города; на смену одного уклада приходили иные нормы бытия, новые культуры: призванные копировать испанские модели, они изначально отличались от последних и составили основу будущей латиноамериканской цивилизации» [6].

Сегодня Латинская Америка, в особенности Южная, исследована по-прежнему недостаточно и вызывает большой интерес путешественников всех мастей. Этот культурный контекст, синтезирующий испанскую, португальскую, африканскую, итальянскую, индейскую традиции, привлекает и отечественных травелогеров. Их увлекает «соблазн Другого» [14, с. 9], позволяющий автору-персонажу погрузиться в иные социальный, географический и культурный слои, зафиксировать увиденное сквозь призму своего личного восприятия и определить влияние феномена латиноамериканской культуры на собственную картину мира. Российские травелогеры, путешествуя по бескрайним просторам Южной Америки, словно стремятся встретиться с непознанным, чужим миром, в котором даже время течет по-другому.

Автор-персонаж в романе Валерия Шанина «Вокруг света за 280 \$» путешествует по странам Южной Америки автостопом. Южная Америка становится частью его кругосветного маршрута. Для травелогера это — другой мир, с которым он недостаточно знаком, но, столкнувшись с новой реальностью, автор-персонаж переоценивает свою традиционную поведенческую стратегию: «Перуанские карманники не украли ни копейки. Но именно этот инцидент заставил меня резко переменить свои планы» [13, с. 632]. Илья Стогофф в своем романе «Апокалипсис вчера», попав в перуанский город Куско, бывший когда-то столицей огромной империи инков Тауантинсуйу («Четыре соединенные между собой стороны света»), также вынужден изменить планы. Перу

производит угнетающее впечатление на путешественников — ужасающая бедность, криминальная обстановка, низкий уровень образования: «Культура в Перу появилась раньше, чем в других местах, и развивалась дольше. А значит, к нашему времени эта страна должна была вырваться вперед, стать светом миру и маяком прогресса. Но ведь каждый знает, что это не так. И в чем же здесь причина?» [10, с. 113]. В. Шанин, побывавший в столице Перу — Лиме, отмечает высокий уровень преступности и творческий подход местного населения к криминальной деятельности: «Лима — не только столица Перу, но и признанная “воровская” столица всей Южной Америки. Именно здесь находится знаменитая воровская школа, в которой готовят “профессиональных” карманников. Их учат не пользоваться грубой силой, а разыгрывать настоящие театральные представления» [13, с. 659]. При этом именно в Перу находятся бессмертные инкские святыни. Затерянный город инков Мачу-Пикчу становится тем сакральным пространством, в котором человек размышляет о вечном. Герои обоих текстов путешествуют по Перу и стремятся попасть в древний город инков: «Мне казалось, что если я приеду в этот Мачу-Пикчу и собственными ногами пройду по его мертвым улицам, то смогу лучше понять, почему, черт возьми, все происходит именно так. Почему вместо долгой жизни жители Мачу-Пикчу предпочли непонятную смерть» [10, с. 12]. Автор «Апокалипсиса вчера» рассуждает о гибели империй, и именно гибель цивилизации инков заставляет его погрузиться в размышления о неизбежном финале любой цивилизации: «Империи, которые кажутся вечными, время от времени обращаются в ничто <...> Великая инкская империя перестала существовать. Еще с утра всем казалось, будто она переживет небо. Но уже к вечеру выяснилось, что на самом-то деле все построенное человеком — хрупко и ненадежно» [10, с. 9].

В. Шанин, путешествуя по Аргентине, Чили, Перу, Эквадору, словно коллекционирует и сопоставляет впечатления. Он подробно описывает свое путешествие, рассказывая о случайных встречах, о качестве автостопа в различных странах Южной Америки, об этнических особенностях той или иной страны. Таким образом, задачей тревелогера становится стремление продемонстрировать читателю мельчайшие подробности существования чужого пространства. Каждая страна, каждый город в его дневнике обладает собственным описанием и характеристикой. Аргентина предстает в тексте атмосферным местом, причем Буэнос-Айрес автор сравнивает с Парижем: «В начале XX в., когда Буэнос-Айрес стал законодателем мод и культурным центром всей Южной Америки, сюда наряду с сотнями тысяч иммигрантов устремились писатели, художники, музыканты. Именно они создавали всемирно известные литературные салоны и кафе, рестораны и театры, которые сейчас определяют неповторимый колорит этого второго Парижа» [13, с. 573]. Аргентина в тексте В. Шанина показана как европеизированная и вполне безопасная страна, несмотря на экономический кризис и политическую нестабильность: «По-прежнему на улицах танцуют танго, выступают бродячие артисты, работают

блошинные рынки. Атмосфера — как в Москве на Старом Арбате» [13, с. 574]. Чили также представляется автору-персонажу спокойным местом, а Сантьяго — активно развивающейся столицей, однако в своем тексте травелогер постоянно обращается к печально известным событиям 1973 г. и страшному времени фашистского режима, поскольку об этом вспоминают почти все встреченные им чилийцы.

Достаточно противоречивое впечатление на травелогера производит Эквадор — страна, в которой политические свободы соседствуют с экономической нестабильностью: «Кито — один из самых красивых городов Южной Америки. Здесь в 22 километрах к югу от экватора, на высоте 2850 метров над уровнем моря царствует вечная весна. В городской архитектуре нашли отражение элементы современной и древних испанской, голландской и доколумбовой архитектур <...> Кито — самая тихая и самая идиллическая из всех южноамериканских столиц. Хотя здесь живет более 20 тысяч человек, кажется, что находишься в небольшом провинциальном городе с узкими улицами, без промышленных предприятий» [13, с. 666-667]. Путешествуя по Эквадору, автор-персонаж сталкивается с любопытными этническими особенностями, свойственными этому региону: здесь встречаются африканские, колумбийские, европейские поселения, что, безусловно, карнавализует пространство.

Южная Америка в текстах российских травелогеров представляет собой яркий культурный контекст, в котором сочетаются испанская, португальская, африканская, индейская культурные традиции. Границы между странами Южной Америки скорее условные, нежели реальные, что позволяет рассматривать Латинскую Америку как единое безграничное пространство. Сегодня многоликий латиноамериканский феномен продолжает порождать все новые и новые сюжеты и при этом оставаться для российского читателя *terra incognita*, загадочным и таинственным миром.

Таким образом, в травелогах В. Шанина и Ильи Стогофф'а успешно визуализируются пространства, в которых зарождалась цивилизация, места, воспринимаемые и авторами, и читателями как сакральные, а значит, травелогеры принимают Латинскую Америку со всеми сложностями и проблемами: нищетой, опасностями, криминалом, непростыми взаимоотношениями между коренным населением и гринго. Южноамериканский маршрут — лишь часть кругосветного путешествия авторов травелогов, но именно он, возможно, особенно ошутимо повлиял на их сложившуюся картину мира. Таким образом, социокультурное и ментальное взаимодействие с другой реальностью, усвоение культурных кодов, открытие новых географических объектов, особенности восприятия чужого пространства способствуют созданию уникального латиноамериканского сюжета в туристическом бестселлере В. Шанина «Вокруг света за 280 \$» и дневнике журналиста И. Стогофф'а «Апокалисис вчера: Комментарий на книгу пророка Даниила».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балла О. Нефотографизмы: Преодоление травелога. URL: <http://gertman.livejournal.com/152260.html>
2. Бондарева А. Литература скитаний / А. Бондарева // Октябрь. 2012. № 7. С. 165-169.
3. Замятин Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Замятин // Социологическое обозрение. 2010. № 9. Т. 3. С. 26-50.
4. Земсков В. Б. Праздник как феномен ибероамериканской культуры (История массовых праздников) / В. Б. Земсков // Латинская Америка. 1997. № 11. С. 57-75.
5. Зибрева Г. А. Литература путешествия: художественная специфика, жанровые разновидности. Статья 2. Жанровые модификации «путешествия»: классификация и дифференциация / Г. А. Зибрева, Е. Н. Деремедведь // Вопросы литературы: Межвузовский научный сборник. Симферополь: Крымский Архив, 2009. С. 118-132.
6. Кофман А. Рыцари Нового Света. Как покорялась Америка. М.: Пан-пресс, 2007. 643 с. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/96917/Kofman_-_Rycari_Novogo_Sveta.html
7. Мамуркина О. В. Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения / О. В. Мамуркина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Ч. 2. № 9(27). С. 110-113.
8. Никитина Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель / Н. А. Никитина, Н. А. Тулякова // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23-27 июня 2014 г. Вып. 6. С. 191-199. URL: <http://www.hse.ru/data/2014/07/30/1311469989/Никитина,%20Тулякова.pdf>.
9. Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости / В. Н. Селиванов. М.: Наука, 1984. 176 с.
10. Стогофф И. Апокалипсис вчера: комментарий на Книгу пророка Даниила / И. Стогофф. М.: Астрель: АСТ, 2010. 252 с.
11. Хаит В. Л. Карнавализованность искусства и архитектуры Латинской Америки / В. Л. Хаит // Латинская Америка. 2000. № 4. С. 66-79.
12. Черняк В. Д. Травелог — новый старый жанр: случай Дины Рубиной / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 59-62.
13. Шанин В. Вокруг света за 280 \$: туристический бестселлер) / В. Шанин. М.: Эксмо, 2013. 704 с.
14. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

Larisa S. KISLOVA¹
Svetlana O. DRACHEVA²

**“SOUTH AMERICAN VERSION”
IN THE MODERN RUSSIAN TRAVELOGUE**

¹ Cand. Sci. (Phylol.), Associate Professor,
Department of Russian Literature,
Tyumen State University
l.s.kislova@utmn.ru

² Cand. Sci. (Phylol.), Associate Professor,
Department of Russian Literature,
Tyumen State University
s.o.dracheva@utmn.ru

Abstract

This article deals with the image of South America, which is represented as a fragment of the geopoetical model. The relevance of the study rests upon sacred nature of the South American space. Such energy centers, as Machu Picchu and Pachacamac, as well as other sacramental cities of indigenous peoples in South America attract researchers and artists in these sanctuary places. The object of the study involves the travelogues by Ilya Stogoff and Vitaly Shanin, who have visited several countries in South America (Peru, Argentina, Chile and Ecuador). The subject of study is the peculiarity of the South American space in the travel literature.

The aim of the study is to examine the phenomenon of travel, which is represented through the opposition “own vs. alien”. It requires solving the following objectives: to determine the travelogue position in modern Russian literature; and to define Latin America image in historical, ethnographic, and cultural contexts. The authors of the study conclude, that the Russian traveloguers’ interest in Latin America is a kind of an attempt to penetrate into a mentally alien reality, which will never become native to them. In I. Stogoff’s and V. Shanin’s travelogues there is a description of a place, where the traditional world laws do not work. From another hemisphere, in the South American carnival space, the writers tend to show

---

Citation: Kislova L. S., Dracheva S. O. 2017. “‘South American Version’ in the Modern Russian Travelogue”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 71-81.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-71-81

not only certain geographical and cultural objects in their texts, but also to fix their unwonted internal state. The other hemisphere makes the travelers feel quite differently. The narrators try to comprehend the vital strategy of a human living in another world.

However, they do not perceive this space as their own and continue to represent it as alien. So, in the travelogues about Latin America, the opposition “own vs. alien” is the key. Thus, socio-cultural and mental interactions with another reality, assimilation of cultural codes, new geographical objects and perception of the other space peculiarity create a unique Latin American story in V. Shanin’s Internet bestseller “Around the World for \$280” and I. Stogoff’s journalist’s entries “Apocalypse yesterday: Commentary on the book of Daniel”. The temptation of experiencing another space allows the narrators to explain how the phenomenon of Latin American civilization impacts someone’s world model through another cultural context.

Keywords

Travelogue, geopoetics, space, narrator, opposition “own vs. alien”, Conquista.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-71-81

REFERENCES

1. Balla O. “Nefotografizmy: Preodolenie traveloga” [Non-photographism: Overcoming Travelogue]. <http://gertman.livejournal.com/152260.html>
2. Bondareva A. 2012. “Literatura skitaniy” [The Literature of Roams]. *Oktyabr*, no 7, pp. 165-169.
3. Zamyatin D. 2010. “Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk” [Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction of Modern Humanities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no 9, vol. 3, pp. 26-50.
4. Zemskov V. B. 1997. “Prazdnik kak fenomen iberoamerikanskoy kul'tury (Istoriya massovykh prazdnikov)” [Holiday as a Phenomenon of the Iberian-American Culture (The history of Popular Holidays)]. *Latinskaya Amerika*, no 11, pp. 57-75.
5. Zibreva G. A., Deremedved E. N. 2009. “Literatura puteshestviya: khudozhestvennaya spetsifika, zhanrovye raznovidnosti. Stat'ya 2. Zhanrovye modifikatsii ‘puteshestviya’: klassifikatsiya i differentsiatsiya” [The Literature of Travel: Artistic Specificity, Genre Varieties. Article 2. The Genre Modification of the “Travel”: Classification and Differentiation]. In: *Voprosy literatury: Mezhdvuzovskiy nauchnyy sbornik*, pp. 118-132. Simferopol: Krymskiy Arkhiv.
6. Kofman A. 2007. *Rytsari Novogo Sveta. Kak pokoryalas' Amerika* [Knights of the New World. How America Was Conquered]. Moscow: Pan-press. http://www.e-reading.by/bookreader.php/96917/Kofman_-_Rycari_Novogo_Sveta.html
7. Mamurkina O. V. 2013. “Travelog v russkoy literaturnoy traditsii: strategiya tekstoporozhdeniya” [Travelogue in the Russian Literary Tradition: The Strategy of the Text Generation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 2, no 9(27), pp. 110-113.

8. Nikitina N. A., Tulyakova N. A. 2014. “Zhanr traveloga: kognitivnaya model” [The Genre of Travelogue: A Cognitive Model]. Proceedings of the 6th International conference on Cognitive Science (Kaliningrad, 23-27 June 2014), no 6, pp. 191-199. <http://www.hse.ru/data/2014/07/30/1311469989/Nikitina,%20Tulyakova.pdf>
9. Selivanov V. N. 1984. Latinskaya Amerika: ot konkistadorov do nezavisimosti [Latin America: From the Conquistadores to Independence]. Moscow: Nauka.
10. Stogoff I. 2010. Apokalipsis vchera: kommentariy na Knigu proroka Daniila [Apocalypse Yesterday: Commentary on the Book of Daniel]. Moscow: Astrel, AST.
11. Khait V. L. 2000. “Karnavalizovannost' iskusstva i arkhitektury Latinskoy Ameriki” [Carnival in Arts and Architecture in Latin America]. Latinskaya Amerika, no 4, pp. 66-79.
12. Chernyak V. D., Chernyak M. A. 2015. “Travelog — novyy staryy zhanr: sluchay Diny Rubinoy” [Travelogue — A New Old Genre: The Case of Dina Rubina]. Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty, no 20, pp. 59-62.
13. Shanin V. 2013. Vokrug sveta za 280 \$: turisticheskiy bestseller [Around the World for \$280: A Tourist Bestseller]. Moscow: Eksmo.
14. Etkind A. 2001. Tolkovanie puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of Travels. Russia and America in Travelogues and Intertexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.